

УДК 81'367.625:(811.161.1+811.58)

UDC 81'367.625:(811.161.1+811.58)

ЭМОТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ КОННОТАЦИЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

EMOTIVE VERBS IN THE CONTEXT OF CULTURAL CONNOTATIONS IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Дун Цзюньфэй,
аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка

Dong Junfei,
Postgraduate Student of the Department
of Linguistics and Linguodidactics,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank

Поступила в редакцию 20.08.21.

Received on 20.08.21.

В статье рассматриваются эмотивные глаголы с точки зрения культурных коннотаций: полные эквиваленты, неполноэквивалентные и безэквивалентные эмосемы, отражающие культурные традиции, обычаи и нормы поведения народа. Проводится сопоставительный анализ лексем, имеющих тождественную и различительную социальную и эмоциональную значимость в русском и китайском языках.

Ключевые слова: эмоциональные глаголы, культурные коннотации, эквивалентная лексика, безэквивалентная лексика, национальная культура.

The article considers emotive verbs from the point of view of cultural connotations: full equivalents, partially equivalent and non-equivalent emosemes reflecting cultural traditions, customs and norms of behavior of people. It conducts contrastive analysis of lexemes which have identical and distinctive social and emotional significance in Russian and Chinese.

Keywords: emotional verbs, cultural connotations, equivalent lexicon, non-equivalent lexicon, national culture.

Изучение эмоций как феномена является чрезвычайно сложной задачей, поскольку затрагивает множество аспектов – физиологический, когнитивный, психологический и социальный. Однако именно многоаспектное изучение эмоций заложило основу для изучения связи эмоций и языком. С позиции антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через язык, через осознание своей деятельности в нем, через культурные традиции и обычаи. Все особенности культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как содержит чрезвычайно богатые культурные коннотации, которые, как в зеркале, отражают национально-историческую и национально-культурную семантику языковых знаков. С одной стороны, язык – фундамент культуры: без языка нет культуры. В то же время язык контролируется культурой и отражает культуру. Двойная функция и характеристика языка подтверждаются тем, что язык и культура – это единое целое, имеющее три составляющих: субъектная идентичность (язык и культура не существуют без деятельности человека); идентичность принадлежности (язык и культура принадлежат обществу и нации, а не отдельной личности); идентичность владения языком и культурой. При этом важное значение имеет эмоционально-окрашенная лексика, выражающая различные эмоции говорящего по отношению к предмету говорения или содержащая эмоциональную оценку предмета или явления, несущего чувственную информацию. Эмосемы могут полностью покрывать лексическое значение или частично сохранять номинативную функцию. С точки зрения В. И. Шаховского, впервые использовавшего понятие эмосема, эмоциональ-

но-оценочное значение представляет собой лингвистическое образование, входящее в состав лексического значения слова и выражающее эмоционально-оценочное отношение именуемого субъекта к соотносительному со словом понятию и предмету [1]. Таким образом, эмоциональность – это психологическая категория, которая при изучении ее с лингвистической точки зрения преобразуется в языковую категорию эмотивности.

Культурная коннотация, являясь дополнительным лексическим значением, создается в виде ассоциативно-образного представления о действительности, отражающего познавательные законы человечества. В обыденной жизни люди часто называют новое, исходя из знакомых и определенных понятий по причине того, что между ними (старым и новым) существует некое общее, которое вызывает у человека соответствующую ассоциацию, связанную с традициями, обычаями и мышлением народа. Эмоциональное поле человека – это сложное и очень интересное явление. Попробуем «заглянуть» в сферу эмоций человека через их отражение в эмотивных глаголах с точки зрения культурных коннотаций. Эмотивный глагол как основная значимая языковая единица занимает важное место в системе образных средств языка, имея не только основное значение – (денотацию), но и дополнительное (коннотацию) – метафорическое, например: *бурлить, вздыхать, воспламениться, вянуть, гореть, дрожать, зажечься, иссохнуть, каменеть* и др. Как отмечает Сюй Гаоюй, «с помощью метафор, базирующихся на общих или сходных ассоциациях, человек выражает свои психологические состояния и переживания, отношение к жизни, разные чувства и дает эмоционально-

образную оценку окружающему миру» [2, с. 36]. С точки зрения национально-культурного содержания, все эмотивные глаголы можно разделить на эквивалентные, неполноэквивалентные и безэквивалентные.

1. Эквивалентные эмотивные глаголы имеют тождественную социальную и эмоциональную значимость в двух языках. Национальная культура является частью общей культуры человечества, она формируется на основании сходного, общечеловеческого осознания окружающего мира. Именно она дает возможность обеспечить межкультурное общение разных наций, например, использование эмотивных глаголов *сердиться, расплакаться, бояться* в русском языке [3]: *Он уже минуты с три продевал нитку, – не попадал, и потому очень **сердился** на темноту; Но злость не унималась, и я от злости вдруг **расплакался**, а она, бедненькая, подумала, что я от умиления заплакал, нагнулась ко мне и стала целовать; Никого он не любит, никого не почитает, никого не **боится**...* Примеры употребления данных глаголов в китайском языке [4]: *姑姑您千万别生气, 我说着, 悄悄地踢了一下王仁美的小腿, 低声道: 闭嘴! (букв. «Тётя, пожалуйста, **не сердитесь**», – говоря это, я тихонько пнул Ван Жэньмэя ногой и прошептал: «Заткнись!»); 正当民兵试图用绳子捆绑他的双臂时, 他突然放声大哭起来 (букв. *Когда милиционеры попытались связать ему руки веревкой, он внезапно **расплакался***); *她既害怕, 又感激眼前这个男人 (букв. *Она и **боялась**, и благодарила этого мужчину, (стоящего) перед ней**).*
2. Неполноэквивалентные эмотивные глаголы. Этот тип объединяет единицы, существующие в двух культурах, но при этом лексические единицы имеют частично разные эмоциональные значения. Например, глагол *втюриться* в русском языке обозначает: 1. 'Попасть нечаянно во что-л. из чего, откуда трудно выбраться': *Я однажды забрёл ночью в это болотце, так по пояс втюрился* [3]; 2. 'Влюбиться': *Я, Надежда Петровна, как только вас увидел, так сразу и втюрился, полюбил то есть* [3]. Кроме того, глагол втюриться во втором значении является просторечным, имеющим значение 'влюбиться сильно и внезапно'; часто содержит негативную оценку: *Пять лет не влюблялся, дал себе зарок, и вдруг втюрился, как оглобля в чужой кузов; – Вот втюрилась, дура такая! – сказал инженер невеселым голосом* [3]. В китайском языке это совершенно разные глаголы: 陷入 (*вляпаться* в знач. 'попасть в неприятную ситуацию') и 爱上 (*влюбиться*). Более того, значение 'влюбиться'

передается двумя глаголами – 爱上 и 恋上, не имеющими дополнительных коннотаций.

Или возьмем глагол 郁闷, обозначающий 1. 'Грустить, быть подавленным': *我心情郁闷, 因为很快就要离开你们了 (букв. *Я **грущу** потому, что скоро придётся покинуть вас*)* [4]; 2. 'Не понимать, что происходит': *他很郁闷, 为什么大家都不理会他 (букв. *Он не понимает, почему все **игнорируют** его*)* [4]. Глагол 郁闷 используется для описания сложного состояния человека, вызванного недовольством чего-л. или внутренним волнением, которое сопровождается ощущением безысходности, удрученности и растерянности. В современном китайском языке данный глагол стал излюбленным присловьем для описания чувства неопределенности и непонимания происходящего (при этом отрицательные частицы отсутствуют). По своей семантике данный глагол близок русским глаголам *хандрить* или *растеряться*, однако в китайском языке он осложняется оттенком растерянности и непонимания, при этом с дополнительной семой переживания.

Еще пример: глагол 不安 (букв. *неспокойный*) образован путем сочетания отрицательной частицы 不 и прилагательного 安. Этой семье объединены значения данного глагола: 1. 'Испытывать беспокойство, беспокоиться': *考试前他不安起来. (букв. *Перед экзаменом он начал **беспокоиться***)* [4]; 2. 'Чувствовать неловкость (неудобство)': *我忘记寄出你的信, 为此深感不安. (букв. *Я забыл отправить ваше письмо, из-за этого я чувствую глубокую **неловкость***)* [4]; 3. 'Нездоровится; не по себе': *我淋了一场大雨后感到精神不安. (букв. *Я попал под сильный дождь, и мне не по себе*)* [4]. Морфемный анализ русского глагола беспокоиться обнаруживает тот же состав: приставка **бес-**(**без-**) в значении отсутствия качества или чувства (равноценно китайскому 不) и корень **покой** (安). То есть образование русского и китайского глаголов сходно, однако отдельные значения не совпадают: 不安 в значении 'нездоровится' не может быть переведен русским глаголом *беспокоиться*, а значение 'беспокоиться, заботиться' (*Я беспокоюсь о тебе*) не может передаваться с использованием знака 不安.

Часто семантические и ассоциативные связи, имеющиеся в одном языке, понятны носителям другого языка в силу наличия общего стереотипа в модели мира, но глагольная номинация при этом отсутствует, например: в русском языке глагол *оглушить* имеет следующие значения: 1. 'Сильным звуком, шумом лишить на время ясности слуха': *Взрыв огромной силы оглушил нас всех* [3]; 2. 'Сильным ударом по голове лишить сознания': *Грабители неожиданно напали на пастухов, двух убили дубинками, третьего только оглушили* [3]; 3. 'Неожиданным действием привести в замешательство; поразить': *Оглушили мы немцев внезапностью*

и дрались с остервенением [3]. Переносное эмотивное значение у глагола оглушить возникло вследствие сравнения эмоционального состояния с физическим. В китайском языке такой метафоризации не произошло, однако потенциально данное значение могло существовать, поскольку сам стереотип в сознании китайцев существует. Для сравнения можно привести такие ченьюки (особая форма фразеологизма, состоящая из четырёх иероглифов), как 轰轰烈烈 (в значении 'оживлённый, бурный, грандиозный, оглушительный (о событии)', где 轰 – звукоподражание бум! бах! (звук грохота, взрыва, грома), а 烈 – 'пылающий; сильный, яростный') и 喧天震地 (букв. *оглушать небо и сотрясать землю*, в значении 'потрясающий, оглушительный').

Глагол 心寒 (букв. *сердце замёрзло*) в китайском языке имеет два значения: 1. 'Охладеть, отчаяться': 他的老朋友让他心寒。(букв. *Он охладил к прежним друзьям*) [4]. Данное значение тождественно русскому глаголу **охладеть** – 'стать равнодушным', и абсолютно понятно русскоговорящим. 2. 'Бояться': 这凄厉的声音让我们心寒。(букв. *Мы боимся этого раздирающего голоса*) [5]. Русский глагол **охладеть** такого значения не имеет, тем не менее семантику китайского глагола можно понять, вспомнив русские выражения *похолодеть от страха / ужаса, холодный пот прошиб / выступил* и т. д. Таким образом, связь между чувством страха и холода в русском языковом сознании также присутствует, однако соответствующая номинация отсутствует. К этой же группе относятся глаголы *беситься, бушевать, вздыхать, волноваться, известись, каяться, клевать, мямлить, переболеть, перегореть, пленить, протестовать, раздражить, раздуть, расстроиться, расшаркаться, смутиться* и др.

3. Безэквивалентные эмотивные глаголы имеют отличительные национальные особенности, выражая эмоции уникальным способом. Национально-специфичные семантические компоненты этих глаголов зависят от разных факторов – как языковых, так и внеязыковых, поэтому глаголы, характеризующие национальные тенденции, различаются по закрепленным в их семантике социальным реалиям, национальной культуре и эмоциональной значимости. Поскольку основной религией китайцев является буддизм, следующие глаголы свойственны только русской языковой культуре, но не имеют места в китайских культурных традициях [3]:

1) **распять**: 'пригвоздить руки и ноги к кресту'; перен. 'причинить моральные страдания; замучить', например: *Но вот что случилось почти всегда после этих рыданий: на завтра он уже готов был распять самого себя за неблагодарность* [3];

2) **крестить**: 'совершать (совершить) обряд крещения над кем-л'; 'подвергнуть первым тяжелым испытаниям'; 'быть крестным отцом или крестной матерью'; 'движением правой руки изображать крест'; 'перечеркивать, зачеркивать крест-накрест', например: *У крыльца Аглая Федоровна долго крестила и целовала сына* [3];

3) **сатанеть**: 'становиться яростно-злым, злее'. На китайский язык этот глагол переводится как 变得极其凶恶 (букв. *становиться злым, жестоким*) или 凶狠得像恶魔 (букв. *злиться, подобно демону*). Как видим, данное значение передается описательно. В китайском языке в принципе отсутствует глагол со значением 'приходить в демоноподобное состояние', а такие глаголы как *злиться* или *гневаться* (生气, 发怒) не способны передать все оттенки значения, например, особую жестокость и неистовость человека, пребывающего в таком состоянии. Религиозно-мифологические представления китайцев значительно отличаются от верований восточных славян, однако также имеют древние традиции и находят соответствующие отражения в языке:

1) 八卦: 1. (древнее значение) 'багуа, восемь триграмм «И цзина»'; 2. 'сплетничать; сплетни; сплетник', например: 周日农村妇女常常一起八卦 (букв. *По воскресеньям деревенские женщины часто вместе сплетничали*). Восемь триграмм (乾 Цянь, 兑 Дуй, 离 Ли, 震 Чжэн, 巽 Сюнь, 坎 Кань, 艮 Гэнь, 坤 Кунь) – это комплекс символических знаков для гадания в древнем Китае. Неточность гаданий стала причиной развития метафорического значения 'угадывать, додумывать, придумывать – сплетничать'.

Древняя гадательная система Китая, как и вся мифология, построена по принципу всеобщего соответствия – пяти элементов, поры года, направлений света, животных и даже органов тела. Так, согласно древним представлениям, жёлчный пузырь – этоместилище храбрости: труса в Китае называют 胆小鬼 (букв. *чёрт с маленьким жёлчным пузырём*) или говорят 他胆小 (букв. *его жёлчный пузырь маленький*). Эти представления нашли отражение в ряде эмотивных глаголов, например:

– 丧胆 'струсить' (букв. *утратить жёлчный пузырь*): 草原上的这支骁骑令敌人闻风丧胆 (букв. *Эта степная лихая конница повергла врагов в ужас*) [4];

– 壮胆 'подбадривать, бодрить(ся), храбриться' (букв. *здоровый, крепкий жёлчный пузырь*): 他需要喝点酒壮壮胆,才能当老板的面谈加薪的事 (букв. *Ему нужно выпить немного для храбрости, только тогда он сможет обсудить с начальником повышение зарплаты*) [4].

Важные события истории и исторические реалии, связанные с судьбой только одного

народа, также находят свое отражение в языке в качестве безэквивалентной лексики. Например, глагол **барствовать** в русском языке сохранил единственное значение 'жить в безделье и праздности', при этом утратив свой первоначальный смысл – быть баринном: *Действительно, мне всегда хотелось все делать самому, и даже я особенно желал, чтоб и виду не подавать о себе, что я белоручка, неженка, барствую* [3].

Изначально барство – это собирательное название для помещиков и дворян, то есть особо социального класса. Развитию и закреплению переносного значения с негативной коннотацией способствовало утверждение отрицательного отношения к правящему классу после Великой Октябрьской революции. Во времена феодализма в Китае также существовали землевладельцы и аристократия. Однако глагола, эквивалентного русскому **барствовать**, в китайском языке нет. И дело здесь не только в отсутствии лексического знака, но и в понимании слов **барствовать** и **барство**. В китайском понимании землевладелец – это не просто бездельник или живущий в праздности человек, а, в первую очередь, жестокий эксплуататор, поработитель крестьян. Русский глагол такого коннотативного значения не имеет: *Надо, сестрица, привыкать, надо. Такая наша женская обязанность! Не за миллиончиком вы замужем-то, нечего барствовать!* [3]

При переводе русского глагола **барствовать** на китайский язык словарь предлагает передавать смысл буквально *过老爷式的生活* (букв. *вести жизнь в барском стиле*) либо через использование ченьюев *饱食终日* (букв. *есть с утра до вечера*, обр. в значении 'целыми днями бездельничать'), *无所事事* (букв. *не вести никаких дел*).

Китайский глагол **批斗** (букв. *критиковать и бороться*) появился в годы Культурной революции в КНР (1966–1976 гг.) как сокращение лозунга *斗私批修* (букв. *бороться с частным и критиковать ревизионизм*), что могло принимать различные формы влияния вплоть до применения силовых методов. Глагол **批斗** отличается от глагола **批评** (*критиковать в общем смысле*) тем, что **批斗** – это критика на видном месте с участием большого количества людей. В XXI в. данный глагол уже не используется в своем терминологическом значении, однако сохранил значение 'критиковать одного/одного многими', 'демонстративно критиковать', например: *虽然他没有拿到冠军, 但我们也不能为此事批斗他* (букв. *Хотя он не выиграл чемпионат, мы не можем его за это критиковать*) [4].

В истории СССР также существовала практика собраний, на которых члены какого-либо коллектива разбирали поведение друг друга. В случае с СССР это осталось просто фактом прошлого, в Китае такая практика

была переосмыслена и нашла отражение в современном языке.

В каждой культуре существуют традиционные символы. Так, для китайцев символом силы и власти является тигр, для белорусов символ силы и стойкости – зубр, для русских силу и мощь олицетворяет медведь. Написано уже достаточно большое количество работ по сопоставительному анализу зоонимов и их символики. Однако для нас больший интерес представляет то, как характеристика тех или иных животных используются для описания эмоциональных действий или состояний человека, выраженных глагольными номинациями. Так, русский глагол **обезьянничать** имеет значение 'подражать кому-н., перенимая манеры, речь': *И всё от того, что мы хотим обезьянничать глупым московским восторгам, – сказал князь Василий* [3]. В китайской культуре обезьяна – это символ мудрости, хитрости и активности. Излюбленным китайским персонажем является герой романа «Путешествие на Запад» Сунь Укун – царь обезьян, плут и озорник, который благодаря своему уму и способностям многократно выручал из беды своего наставника – буддийского монаха Сюаньцзана, а также других героев. В России и Беларуси обезьяны не проживают, они появились в Царской России как дикие животные и смешные животные для развлечения, в Китае обезьяны обитают исторически, поэтому жители страны в течение тысячелетних наблюдений успели понять, какими умными и хитрыми являются эти животные. Таким образом, глагол **обезьянничать** является безэквивалентным.

В китайском языке существуют глаголы, связанные с непривычным для русскоговорящего восприятием животных. Так, глагол **狐媚** со значением 'завлекать, обольщать, очаровывать' буквально переводится как *лиса заискивает, льстит*: *姐姐不知道,我听丫鬟们都议论,说姐姐狐媚少爷,迷得他团团转* (букв. *Сестра не знала, что я слышала, как сплетничают служанки и говорят, что сестра соблазнила молодого господина, пленила так, что он волчком вертится*).

В китайской и русской культурах лиса – это символ хитрости. В русских сказках лиса чаще предстает в женском образе, однако в китайской культуре это не просто женский образ: это очень красивый женский образ. Девятихвостая лисица (九尾狐) – мифологический персонаж, имя нарицательное как обозначение хитрого и коварного человека. Древние китайцы верили, что Девятихвостая лисица может превращаться в красивую девушку и завлекать мужчин. В современном языке красивую, но коварную женщину часто называют **狐狸精** (букв. *лиса-дух*). Кроме того, глагол **狐媚**, в отличие от русских глаголов *завлекать, соблаз-*

нять, обольщать, применим только к лицам женского пола.

Интересно проследить, как в двух разных культурах один и тот же положительный / отрицательный образ, сохраняя, соответственно, положительную или отрицательную оценку, приобретает разные коннотативные значения. Так, крыса в обеих культурах воспринимается как существо подлое и имеет негативную оценку, но сравнение с крысой происходит в разных ситуациях. Так, глагол 鼠窜 (鼠 – мышь, крыса, 窜 – прятаться, скрывать, бежать) имеет значение 'юркнуть в нору как крыса, в панике скрыться, шмыгнуть, незаметно ускользнуть; разбежаться (подобно крысам)': 英勇的我军打得敌人抱头鼠窜 (букв. Наша доблестная армия ударила по врагу так, что они, обхватив голову руками, убежали как крысы) [4].

В русском языке нет соответствующего данному значению глагола, хотя общий смысл хорошо понятен, поскольку в русском языке существует фразеологизм *бежать, как крысы с тонущего корабля*. Что же касается русских производных глаголов от существительного крыса, то, несмотря на их отрицательную коннотацию, значения будут отличаться от китайских:

- 1) **крысить / крысятничать** (разг., сниж., неодобр.) – 'воровать (у своих), утаивать, скрывать': *Все в прошлом, а тем более у своего брата солдата крысятничать – последнее дело!* [3].
- 2) **крыситься** – 'сердиться, набрасываясь на кого-л.': *Мы, что ли, его убили? Зачем на нас-то крыситься?* [3].

Эти примеры демонстрирует то, что, несмотря на общее негативное отношение к денотату, коннотативные значения могут развиваться разными путями, однако являются малопонятными представителям другой культуры.

ЛІТАРАТУРА

1. Шаховский, В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М. : URSS : Librokom, 2010. – 124 с.
2. Сюй, Гаюй. Сопоставительное изучение слов в русском и китайском языках / Гаюй Сюй. – Ханчжоу, 1997. – 36 с.
3. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. – Дата доступа: 28.06.2021.
4. CCL现代汉语语料库. Корпус современного китайского языка. – Режим доступа: <http://ccl.pku.edu.cn.html>. – Дата доступа: 22.06.2021.
5. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1993. – 656 с.

Этические нормы выражения эмоций в различных лингвокультурах проявляются не столько в способе выражения, сколько в том, в каких условиях это происходит. Другой интересный вывод, к которому пришли исследователи, занимающиеся сопоставлением эмотивности в различных языках, заключается в том, что лексикализация эмоций является семантической универсалией. При этом всеми лингвистами отмечается наличие дихотомии номинации эмоций по типу оценочного знака. Самое примечательное в том, что во всех языках количество эмотивов с отрицательной оценочной семантикой значительно превышает число эмотивов с положительной семантикой, но при общении они употребляются реже. В этом проявляется похожесть различных культур: человечество, независимо от культуры, психологически стремится к взаимопониманию в общении, отсюда вытекает вывод о том, что в лексиконе превалирует негативность, однако при употреблении и синтагматическом комбинировании она уступает позитивности.

Экономические, культурные и научные контакты стран и их народов делают актуальными темы, связанные с исследованием соотношения языков и культур, изучением языковой личности, межкультурных коммуникаций. Э. Сепир писал: «Язык – это путеводитель, приобретающий все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [5, с. 8]. В этой связи эмотивные глаголы как характеристика национально-культурных особенностей народа – это своего рода культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания. Поэтому исследования языка как культурного феномена соответствуют современной антропоцентрической парадигме в языкознании, рассматривающей язык в тесной связи с деятельностью человека и его мышлением.

REFERENCES

1. Shahovskij, V. I. Emocii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya / V. I. Shahovskij. – M. : URSS : Librokom, 2010. – 124 s.
2. Syuj, Gaoyuj. Sopostavitel'noe izuchenie slov v russkom i kitajskom yazykah / Gaoyuj Syuj. – Hanchzhou, 1997. – 36 s.
3. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. – Rezhim dostupa: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. – Data dostupa: 28.06.2021.
4. CCL现代汉语语料库. Korpus sovremennogo kitajskogo yazyka. – Rezhim dostupa: <http://ccl.pku.edu.cn.html>. – Data dostupa: 22.06.2021.
5. Sepir, E. Izbrannye trudy po yazykoznaniju i kul'turologii / E. Sepir. – M. : Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1993. – 656 s.